

И 203

К. А. ИВАНОВЪ,

Преподаватель Сиб. Пятой Гимназии и Патриотическаго Института.

251

И-20.

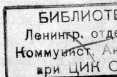
СРЕДНЕВЪКОВОЙ ГОРОД

97115

И ЕГО ОБИТАТЕЛИ.

Съ 16 рисунками.

Предисловіе.—Городъ спитъ.—Городъ пробудился.—Городъ
совѣтъ.—Бюргерскій домъ.—Свадьба.—Цехи. Самобичевальщики—
гелланты.—Городскія увеселенія.—Волшебство и тайная философія.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 28 Апрѣля 1894 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемые очерки, представляя совершенно самостоятельное цѣлое, примыкаютъ въ то же самое время, по содержанію своему, къ другой серіи очерковъ, изданной нами подъ заглавіемъ «Средневѣковой замокъ и его обитатели». Очерки, составляющіе содержаніе настоящаго изданія, изображаютъ важнѣйшія бытовые стороны германскаго города въ XIV—XV столѣтіи. При составленіи ихъ намъ приходилось пользоваться произведеніями нѣмецкой исторической литературы: монографіями, относящимися къ отдѣльнымъ городамъ, сочиненіями по исторіи германскихъ городовъ вообще, по исторіи искусствъ и культуры въ Германіи. Кромѣ того, большимъ подспорьемъ были для насъ миниатюры, украшающія средневѣковые манускрипты. Въ этомъ отношеніи оказало намъ немалую услугу роскошное изданіе Alwin'a Schultz'a, „Deutsches Leben im XIV und XV Jahrhundert“, заключающее въ себѣ массу цѣнныхъ снимковъ.

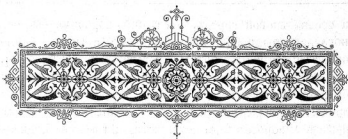
Врядъ ли есть необходимость говорить о важности ознакомленія лицъ, обучающихся исторіи, съ бытовою стороною ея. Важность эта сознается всѣми. Говорить о феодалахъ, о рыцаряхъ, о горожанахъ въ средніе вѣка, о цехахъ и не имѣть о нихъ конкретнаго представленія, по меньшей мѣрѣ,—нежелательно. Между тѣмъ, ввести бытовой отдѣлъ въ

учебное руководство, положительно, невозможно. Этому служатъ помѣхой и особенныя свойства матеріала, входящаго въ названный отдѣлъ, и размѣры руководства. Такимъ образомъ, все, рисуемое бытовую сторону, должно послужить матеріаломъ для спеціальной книги. Это обстоятельство и побудило насъ предпринять изданіе, въ которомъ послѣдовательно раскрывались бы передъ учащимися, а также передъ лицами, ищущими самообразованія или пополненія своихъ знаній, важнѣйшія стороны средневѣкового быта.

Питаемъ надежду, что настоящій, второй выпускъ нашего изданія встрѣтитъ тѣ же многочисленныя сочувственныя заявленія, которыхъ удостоился нашъ «Средневѣковой замокъ».

С.-Петербургъ.

— 24 Апрѣля 1894 года.

Городъ спитъ.

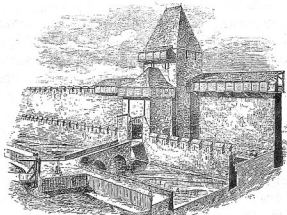
Неренесемся воображеньемъ за пять столѣтій назадъ и представимъ себѣ, что мы подходимъ къ средневѣковому нѣмецкому городу въ ясную, лунную ночь. Вотъ, онъ обрисовался передъ нами на свѣтломъ фонѣ неба, и кажется, что съ каждымъ нашимъ шагомъ онъ надвигается на насъ своими могучими стѣнами, своими высокими башнями. По лѣвую сторону отъ насъ, весело шумя, бѣжитъ извилистая рѣка; серебряная полоса, брошенная на ея поверхность мѣсяцемъ, сопутствуетъ намъ. За рѣкой—поле, поблѣвшее отъ росы, за полемъ чернѣется лѣсъ. Направо отъ дороги поле постепенно поднимается и переходитъ въ возвышенность, на которой также чернѣются лѣса. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ рѣзко выдѣляются замковыя башни и стѣны, гдѣ-то мельницы лѣниво ворочаютъ свои неуклюжія крылья. Наша дорога, кое-гдѣ окаймленная деревьями, мало-по-малу поднимается въ гору. Рѣка убѣгаетъ далеко въ сторону. Вотъ, мы уже не видимъ ничего болѣе, кромѣ массивныхъ стѣнъ города; городъ всецѣло поглощаетъ наше вниманіе. Если бы мы взобрались на сосѣднюю возвышенность и оттуда взглянули

на средневѣковой городъ, послѣдній поразилъ бы насъ многочисленными башнями: башни на стѣнахъ, башни внутри города, вотъ—ратуша, новый соборъ, старыя церкви, остатки прежнихъ укрѣпленій. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ намъ было бы трудно подойти къ городу, не обративъ на себя вниманія, не возбудивъ тревоги. У воротъ его стража, на самой высокой башнѣ—сторожъ. Но, наша волшебная прогулка совершается при необыкновенной обстановкѣ. Представимъ себѣ, что стражи нѣтъ на своихъ мѣстахъ, что даже ворота открыты, что все вокругъ насъ погружено въ волшебный заколдованный сонъ.

Отчего же вдругъ содрогнулось наше сердце? Что смутило его? Предъ нами—лобное мѣсто: высокій каменный помостъ, а на немъ—три каменныхъ столба, соединенные наверху поперечными деревянными балками. Здѣсь вѣшаютъ, обезглавливаютъ, четвертуютъ и иными, ужасными способами лишаютъ людей жизни. Теперь лобное мѣсто пусто, но не даромъ налетаютъ сюда цѣлыя стаи хищныхъ вороновъ, набѣгаютъ сюда цѣлыя стаи хищныхъ звѣрей. Зловѣщее карканье часто оглашаетъ это пустынное мѣсто, а по ночамъ нерѣдко здѣсь собираются волки и задаютъ свой раздрающій душу концертъ. Представьте себѣ темную, грозовую ночь. Вотъ блеснула ослѣпительная молнія и на одно мгновенье озарила лобное мѣсто: на перекладинахъ висятъ трупы, на высокомъ шестѣ наложено колесо, а на немъ—остатки человѣческаго тѣла, на зубцахъ стѣнной башни—черепъ казненныхъ, и долго будутъ стоять они тамъ, до тѣхъ поръ, пока не высохнутъ, не разсыплются на части. Холодная дрожь пробѣгаетъ по вашимъ членамъ, какіе-то сказочные ужасы встаютъ въ памяти. Такой же трепетъ испытывали вы, забившись съ ногами въ теплый уголокъ постели и слушая

страшную сказку старушки-няни, а сумерки набрасывали все болѣе и болѣе густыя тѣни въ углы горницы. Но, отвѣйте прочь мрачныя думы. Ни грозы, ни казенныхъ сегодня нѣтъ. „На раздольи небесъ свѣтитъ ярко луна“.

Оставивъ лобное мѣсто, мы подходимъ къ самому городу. На первомъ планѣ—деревянный частоколъ. Но, не довольствуясь имъ, горожане засадили внѣшнюю окружность города колючими кустами. Проникнемъ за эту ограду по переброшенному черезъ внѣшній ровъ подъемному мосту *),—сегодня для насъ все открыто. Вотъ,

мы и за оградой. Передъ нами—широкій, наполненный водою ровъ. Каменный мостъ, построенный надъ нимъ, не доведенъ до главныхъ воротъ. Черезъ образовавшійся благодаря этому обрывъ перекинуть новый подъемный мостъ. Въ обѣ стороны отъ главныхъ городскихъ воротъ поднимается сравнительно невысокая, каменная зубчатая стѣна, а за ней—другая, на этотъ разъ очень

*) Объ устройствѣ подъемныхъ мостовъ см. нашу книгу: „Средне-вѣковой замокъ и его обитатели“.

высокая. На ней стоятъ квадратныя и круглыя башни съ зубцами. На нѣкоторыхъ изъ башенъ сверкаютъ позолоченные кресты. Надъ воротами поднимается главная стѣнная башня. Эти ворота облицованы глазированными цвѣтными кирпичами—зелеными, черными, бѣлыми. Огромная желѣзная рѣшетка, которую обыкновенно спускали, для прегражденія входа, изъ поперечнаго отверстія въ сводѣ воротъ, теперь поднята, и мы свободно проникаемъ за крѣпкія городскія стѣны.

Сегодня, противъ обыкновенія, улицы спокойны: не слышно въ ночномъ воздухѣ ни серенады, ни криковъ знатной молодежи, ни стука мечей. Харчевни закрыты. Мирно почиваетъ средневѣковой городъ въ голубоватомъ сіяньи луны. Но не всюду проникаютъ лучи ея. Преградой для нея служить прежде всего узкость улицъ; а также и довольно далеко, иногда на нѣсколько футовъ, выступающіе надъ нижними этажами верхніе этажи. Очень многіе дома, кромѣ того, снабжены выдвигающимися впередъ балконами, съ которыми европейцы познакомились впервые на Востокѣ, во время крестовыхъ походовъ. И недостаточная ширина улицъ, и эти выступы объясняются тѣмъ, что въ городѣ, стѣсненномъ стѣнами, мало мѣста для обитателей. Городъ, не будучи въ состояніи разростаться въ ширину, или, по крайней мѣрѣ, разрастаясь съ величайшимъ затрудненіемъ, успѣшно растетъ вверхъ. Населеніе необыкновенно скучено. Правда, между домами встрѣчаются промежутки, засаженные деревьями, но промежутки эти не велики. Какъ разросся нашъ городъ въ послѣднее время, какъ разбогатѣлъ! А, кажется, еще недавно, не смотря на свои внушительныя стѣны, онъ представлялъ огромное село съ маленькими, крытыми соломой домишками. И долго горожанинъ не разставался со своими сельскими привычками. Теперь эти привычки стали за-

мѣтно пропадать. Бывало, по всѣмъ уликамъ разгуливали свиньи и всякій домашній скотъ. Самыя улицы были ужасны своею грязью. Да, и теперь мостовая появилась только кое-гдѣ, только передъ домами знатныхъ и богатыхъ гражданъ. На наше счастье уже нѣсколько недѣль стоитъ сухая погода. Но, еслибы вы пожаловали сюда въ дождливую пору, вы махнули бы рукой и ушли, не осмотрѣвъ города. Взгляните на этотъ богатый домъ: на остроконечной черепичной кровлѣ его—жестяной флюгеръ, надъ окованной желѣзомъ дверью прибиты оленье рога... А видите вы эти желобы, оканчивающіеся разинутыми львиными пастьми? Изъ нихъ въ дождливую пору вода выбрасывается на самую середину улицы и скопляется здѣсь въ грязныя лужи. Впрочемъ, значительную часть воды заставляютъ литься въ особенныя водовмѣстилища. Если такая погода выпадаетъ на какой либо праздникъ, то монахи ближняго монастыря откладываютъ назначенныя заранѣе церковныя процессіи, по случаю «уличной грязи». Члены городского управленія (ратманы) отправляются тогда въ ратушу въ «деревянныхъ башмакахъ», надѣтыхъ на обувь. Эти «башмаки» играли роль современныхъ галошъ и снимались съ ногъ при входѣ въ зданіе ратуши. Собственно говоря, эта дополнительная обувь вовсе не была башмаками, хотя и называлась такъ: она представляла собою просто деревянные подошвы, прикрѣплявшіяся ремнями къ сапогу, напоминая такимъ образомъ древнія сандаліи. Знатныхъ и богатыхъ людей, въ случаѣ особенно большой грязи, носятъ на носилкахъ. Уличная грязь особенно увеличивается еще оттого, что, не смотря на строгія постановленія и требованія рата (городского совѣта), жители города никакъ не могутъ разстаться со своими крайне неудобными для общежитія привычками: все лишнее, все не-

нужное, безъ зазрѣнія совѣсти, выбрасывается ими на улицу. Только въ особенно важныхъ случаяхъ улицы средневѣкового города закидывались щебнемъ или усти-
лались соломой, при чемъ каждый изъ городскихъ обывателей покрывалъ соломой часть улицы, прилегающей къ его жилищу.

Большинство домовъ—деревянные, съ кровлями, покрытыми гонтомъ и круто спускающимися въ правую и лѣвую стороны. Многіе изъ нихъ напоминаютъ своимъ видомъ швейцарскіе домики. Внизу—просторныя стѣны, отсюда поднимается лѣстница въ первый этажъ. Первый этажъ далеко выступаетъ на улицу своею деревянной галлереей. Лунные лучи играютъ на десяткахъ круглыхъ стеклышекъ, вставленныхъ въ оконныя рамы. Крытая гонтомъ кровля образуетъ большой навѣсъ надъ галлереей и прекрасно защищаетъ ее отъ дождя и снѣга.

Легко загорающійся матеріалъ этихъ построекъ, узкость улицъ были причинами страшныхъ пожаровъ, опустошавшихъ въ продолженіе одного столѣтія по нѣскольку разъ одинъ и тотъ же городъ. Съ быстротою молніи охватывало пламя деревянныя стѣны и кровлю дома, съ быстротою молніи перебрасывалось съ балкона на противоположную сторону улицы, овладѣвало цѣлымъ рядомъ домовъ, уничтожало жилища богачей, обвивалось вокругъ колокольныхъ башенъ, растапливало колокола, пожирало склады дорогихъ товаровъ и несло, все несло впередъ, пока не встрѣчало себѣ преграду въ городской стѣнѣ. Неистово звучалъ пожарный колоколъ, но никто не думалъ заливать пожара, всякій стремился выбраться на волю, убѣжать отъ огненного чудовища, спасти свою жизнь.

Помимо несчастныхъ случайностей, производившихъ пожары, враждующія партіи нерѣдко сами поджигали дома своихъ противниковъ. Для предупрежденія этого,

не только поджигателямъ, но и тѣмъ, кто грозился поджогомъ, назначалась огненная казнь: ихъ заколачивали въ бочки и послѣ того сжигали. Но случилось, что значительная часть города погорала вслѣдствіе завѣдомо небрежнаго обращенія его обитателей съ огнемъ. Дѣло въ томъ, что, не смотря на скученность населенія, на узкость улицъ, жители средневѣкового города иногда предавались безразсуднымъ забавамъ. Достаточно отмѣтить одну изъ нихъ, а именно танецъ съ факелами въ рукахъ. Городскіе правители, конечно, стали запрещать подобныя забавы. Вмѣстѣ съ тѣмъ они начали обязывать нѣкоторыхъ ремесленниковъ, въ случаѣ пожара, доставлять воду, другихъ — помогать тушенью.]

Скученность строеній имѣла еще и другія послѣдствія: въ средневѣковыхъ городахъ необычайно свирѣпствовали разныя эпидемическія болѣзни, какъ напр. черная смерть, проказа, чума и другія. Отъ черной смерти, пронесшейся надъ Европой въ половинѣ XIV-го вѣка, особенно пострадали города: въ Бременѣ умерло 7000 человекъ, въ Любекѣ 9000, въ Базелѣ 14000, въ Эрфуртѣ 16000 и т. д. Мертвецовъ не успѣвали хоронить обыкновеннымъ порядкомъ, а зарывали ихъ въ общія ямы; многіе городскіе жители убѣгали изъ своихъ городовъ. Но, обратимся отъ этихъ ужасовъ къ тому, что окружаетъ насъ. Луна ярко освѣщаетъ изрѣдка попадающіяся между домами небольшія незастроенныя пространства. Пространства эти засажены овощами и любимыми цвѣтами средневѣковыхъ дамъ — розами, лиліями, гвоздиками и фіалками.

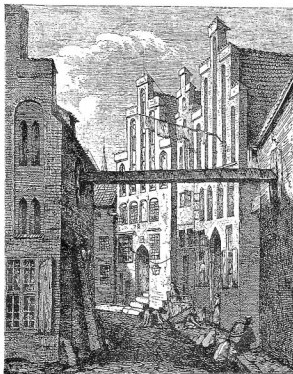
А было время, когда въ городѣ оставались еще отъ стародавней поры виноградники, большіе сады, даже пашни. Все это исчезло. Остатками отъ той поры являются 2 — 3 монастыря и рыцарскій замокъ. Они окру-

жены толстыми стѣнами съ бойницами. Невольно представляешь себѣ, что они ждутъ какого либо возмущенія, внезапнаго нападенія и всегда готовы потушить и отразить ихъ. Лунный свѣтъ и фантастическія тѣни сообщаютъ имъ что-то живое, одушевленное. Кромѣ ихъ стѣнъ, поперекъ города тянется постепенно обваливающаяся старая городская стѣна съ незакрывающимися воротами: она указываетъ на прежнюю окружность города. Теперь городъ расширился, опоясался новыми, крѣпкими стѣнами, и эта старая поперечная стѣна стоитъ уныло, какъ памятникъ надъ могилой минувшаго. Она кое-гдѣ дала трещины, въ изобиліи покрыта плѣсенью, и плющъ, отыскивая для себя благоприятную почву, все шире и шире расплзается по ея разрушающейся поверхности. Изъ тлѣнія здѣсь зарождается новая жизнь.

Совершая прогулку по средневѣковому городу, вы тщетно искали бы на домахъ того, что намъ кажется столь необходимымъ, къ чему мы такъ привыкли, — нумеровъ. Взамѣнъ нумеровъ на каждомъ домѣ помѣщается надъ входомъ щитъ, а на немъ намалевано какое нибудь изображеніе. Вотъ — красный медвѣдь, здѣсь — волкъ, тамъ — лебедь, полумѣсяцъ, золотая звѣзда, золотой мечъ и т. п. По этимъ-то изображеніямъ и различали тогда дома. Въ наше время много значить также фамилія домовладѣльца; въ ту пору фамилій еще не было, а домъ и его владѣлецъ носили одно и тоже прозвище. Отсюда образовались современемъ и настоящія фамиліи. Въ нижнихъ этажахъ домовъ помѣщаются лавки, сараи, погреба. Если бы мы могли заглянуть въ одинъ изъ послѣднихъ, мы увидѣли бы, что онъ весь заставленъ бочками съ виномъ, которымъ, между прочимъ, торгуетъ нашъ городъ. На самой серединѣ погреба устроенъ въ полу каменный бассейнъ,

куда должно слиться вино въ томъ случаѣ, если бы лопнула какая либо изъ бочекъ.

Мы движемся впередъ по извилистой улицѣ то въ полной тѣни, то въ лунномъ сіяньи. Кое-гдѣ намъ приходится отступать отъ домовъ, такъ какъ весьма опасной преградой для путника могутъ служить выходы

у погребовъ: провалиться въ подобный выходъ совсѣмъ нетрудно. Гдѣ-то лаютъ собаки. Никто не встрѣчается намъ. Не видать даже недавно заведеннаго патруля ночныхъ сторожей. Надо полагать, они мирно спятъ гдѣ-нибудь на перекресткѣ, а ихъ дубины, аллебарды,

трещотки и погашенные фонари расположены около нихъ на землѣ. Не даромъ же эти патрули не пользуются почти никакимъ уваженіемъ и подвергаются всякимъ насмѣшкамъ. Можете представить себѣ, какія безобразія творятся на улицахъ въ темныя ночи? Городъ нашъ еще совсѣмъ не освѣщается. Только въ рѣдкихъ случаяхъ вывѣшиваются у домовъ фонари или просто вставляются смоляные факелы въ особенныя, сдѣланныя для этой цѣли, желѣзныя ручки. Во время пребыванія въ городѣ императора они зажигались у каждаго дома *). Въ обыкновенное же время обыватели выходятъ ночью на улицу съ фонарями въ рукахъ. Двигаясь все впередъ, мы наталкиваемся по временамъ на колодцы съ поперечнымъ вращающимся бревномъ, перекинутой черезъ него цѣпью и двумя ведрами, прикрѣпленными къ концамъ этой цѣпи: при вращеніи бревна, одно изъ ведеръ поднимается вверхъ, а другое спускается въ глубину колодца.

Но, что это? Поперекъ улицы перекинута тяжелая цѣпь. Она заперта съ двухъ сторонъ на замки. Такія цѣпи перегораживаютъ и другія улицы, а дѣлается это для того, чтобы воспрепятствовать коннымъ толпамъ, на случай какого либо возмущенія. Намъ эти цѣпи помѣшать не могутъ. Двигаясь по неровнымъ и большей частью немощенымъ улицамъ, не отличающимся при томъ правильностью нашихъ улицъ, мы подходимъ къ площади.

Такъ вотъ это зданіе, которое издали обращало на себя наше вниманіе. Гордо поднимается къ ночнымъ

*) Объ уличныхъ фонаряхъ въ Парижѣ сообщается въ 1669 году, какъ о новости, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „les chandelles, que l'on met tous les soirs dans le grand nombre des lanternes, qui ornent depuis un temps toutes les rues de Paris, commençoient à éclairer ceux, qui vont la nuit sans flambeaux“.

небесамъ стройная башня городской ратуши. На верхушкѣ ея—сторожъ, но онъ не видитъ насъ. Съ этой башни въ критическія минуты городской жизни раздаются звуки набатнаго колокола: они оповѣщаютъ о пожарѣ, созываютъ вооруженныхъ гражданъ и мирнымъ тономъ напоминаютъ о времени тушенія огней въ домахъ обывателей. Тутъ же недалеко отъ ратуши (мѣста засѣданія городского совѣта или рата) поднимается облитая луннымъ сіяніемъ, довольно грубо высѣченная изъ камня фигура мужчины; въ ея рукѣ — обнаженный мечъ. Это—Роландова колонна (Rolandssäule). Полагаютъ, что такія статуи были символами уголовного судопроизводства, обозначали право судей города подвергать преступниковъ смертной казни. Взгляните мимоходомъ на эту клѣтку и на этотъ столбъ. Въ первую сажаютъ пьяницъ, у второго производятъ сѣченіе розгами. До нашего времени сохранилась, между прочимъ, миниатюра, изображающая послѣднее наказаніе *). У столба, стоящаго на площадкѣ со ступеньками и увѣнчаннаго наверху распятіемъ, два представителя исполнительной власти, крѣпко держа виновнаго одной рукой, бьютъ его розгами по спинѣ. На ступеняхъ стоитъ человекъ, наигрывающій на трубѣ, очевидно, съ цѣлью заглушить крики жертвы. А вокругъ собралась толпа, которая съ величайшимъ интересомъ слѣдитъ за наказаньемъ провинившагося: толпа во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ оставалась вѣрна своему характеру. Любопытно, что въ числѣ зрителей находится родитель или педагогъ съ двумя мальчиками; подобное зрѣлище считалось тогда назидательнымъ. Что бичеванья имѣли тяжелыя послѣдствія, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Доста-

*) Весьма многія изъ средневѣковыхъ рукописей украшены небольшими рисунками или миниатюрами. Миниатюры не только раскрашивались цвѣтными красками, но нерѣдко покрывались богатою позолотой.